

Научная статья
УДК 94
doi: 10.54398/1818510X_2023_1_22

ДЕТСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ОКУПАЦИИ:
1941–1944 гг.

Красноженова Елена Евгеньевна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия
eieena@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1679-8590>

Аннотация. Актуальность исследования проблемы функционирования детских учреждений на территории Ленинградской области в условиях оккупации обусловлена тем, что оккупанты уделяли значительное внимание контролю работы детских учреждений и рассматривали их в качестве важнейшего инструмента проведения политики вермахта в отношении детей, подростков и молодежи. Актуальность проблемы исследования определила его цель – рассмотреть проблему функционирования детских учреждений на территории Ленинградской области в условиях нацистской оккупации в период Великой Отечественной войны. Работа основана на документах центральных и региональных архивов. В первую очередь, это акты районных и поселковых комиссий по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, докладные отчеты, справки, сводки, свидетельские показания. Представляют интерес и немецкие документы, в первую очередь, приказы и распоряжения оккупационных властей, документы отделов просвещения, работавших при городских управах. В работе использованы проблемно-хронологический, системный, историко-сравнительный и статистический методы, которые позволили обобщить и показать особенности работы детских учреждений в условиях оккупации. Подавляющее большинство детей рассматривались оккупантами как объект воздействия нацистской политики геноцида и германизации, как дешёвая рабочая сила, при необходимости – как доноры для немецких солдат, фактически не получала необходимого обеспечения, медицинской помощи, не имела условий для гармоничного развития.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Северо-Запад, Ленинградская область, военное детство, детские учреждения, школы, детские дома, образовательная политика, преступления, оккупанты

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-28-20189, <https://rscf.ru/project/22-28-20189/>; исследование выполнено за счёт гранта Санкт-Петербургского научного фонда в соответствии с соглашением от 15 апреля 2022 г. № 62/2022.

Для цитирования: Красноженова Е. Е. Детские учреждения Ленинградской области в условиях оккупации: 1941–1944 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 1 (74). С. 22–26. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_1_22.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

CHILDREN'S INSTITUTIONS OF THE LENINGRAD REGION UNDER OCCUPATION:
1941–1944

Elena E. Krasnozhenova

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
eieena@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1679-8590>

Abstract. The relevance of the study of the problem of the functioning of children's institutions in the Leningrad region under occupation is due to the fact that the occupiers paid considerable attention to monitoring the work of children's institutions and considered them as the most important tool of the Wehrmacht policy towards children, adolescents and youth. The relevance of the research problem was determined by its purpose – to investigate the problem of the functioning of children's institutions in the Leningrad region under Nazi occupation during the Great Patriotic War. The work is based on the documents of the central and regional archives. First of all, these are acts of district and village commissions to investigate the atrocities of the Nazi invaders, reports, certificates, summaries, witness statements. German documents are also of interest, first of all, orders and orders of the occupation authorities, documents of the departments of education that worked at city councils. The paper uses problem-chronological, systematic, historical-comparative and statistical methods, which allowed to generalize and show the features of the work of children's institutions under occupation. The vast majority of children were considered by the occupiers as an object of influence of the Nazi policy of genocide and Germanization, as cheap labor, if necessary as donors for German soldiers, did not actually receive the necessary security, medical care, and did not have conditions for harmonious development.

Keywords: The Great Patriotic War, the North-West, Leningrad Region, military childhood, children's institutions, schools, orphanages, educational policy, crimes, occupiers

Acknowledgments: this work has been supported by the grants the Russian Science Foundation № 22-28-20189, <https://rscf.ru/project/22-28-20189/>; this work has been supported by the grants the Saint Petersburg Scientific Foundation in accordance with the agreement no. 62/2022 dated April 15, 2022

For citation: Krasnozhenova E. E. Children's institutions of the Leningrad region under occupation: 1941–1944. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 1 (74), pp. 22–26. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_1_00.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Целью настоящей статьи стало исследование проблемы функционирования детских учреждений на территории Ленинградской области в условиях нацистской оккупации в период Великой Отечественной войны.

Проблема Великой Отечественной войны и нацистского оккупационного режима занимает особое место в историографии [2; 9; 10]. В поле зрения исследователей – экономическая политика оккупантов [11], вопросы партизанского движения [7; 12], повседневная

жизнь гражданского населения [1], проблемы коллаборационизма [6; 13; 14]. Отдельным исследовательским направлением стала проблема военного детства на оккупированной территории Ленинградской области [8; 15]. Актуальность её исследования обусловлена тем, что оккупанты уделяли значительное внимание контролю работы детских учреждений, которые рассматривались ими как важнейший инструмент проведения политики вермахта в отношении детей, подростков и молодёжи. Несмотря на значительный интерес к исследованию оккупационной политики на территории Ленинградской области, вопросы военного детства остаются сравнительно малоизученными сюжетами, остаются проблемы, пока ещё не получившие соответствующее отражение в исследовательской практике. В их числе функционирование детских учреждений на рассматриваемой территории в условиях оккупации, что и определило научную новизну настоящего исследования.

Основная часть

Подавляющее большинство детей рассматривались как объект воздействия нацистской политики геноцида и германизации, как дешёвая рабочая сила, при необходимости – как доноры для немецких солдат, и фактически не получали необходимого обеспечения, медицинской помощи, не имели условий для гармоничного развития.

Каждое городское управление имело отдел просвещения городской управы, в котором по мере необходимости могли существовать подотделы школьных дел, сектор детских домов и садов, отдел народного образования. Также создавались соответствующие отделы для руководства сферой культуры. В сферу деятельности вышеуказанных органов входили создание, обеспечение, контроль над школами, детскими домами, садиками и яслями, а также внешкольными учреждениями, контроль состояния детей в этих учреждениях. Так, в качестве первоочередных задач, решаемых отделами просвещения городских управ, были: создание новых учебных планов и программ; подготовка школьных зданий к учебным занятиям; регистрация педагогов; замена советских учебников новыми.

Все детские учреждения Ленинградской области, которые не были эвакуированы, попали под надзор оккупационных властей. В сферу их внимания попали еврейские дети: они отделялись от остальных и подлежали уничтожению или переселению в гетто.

Отбором занимались специальные комиссии, определявшие национальность по внешнему виду. Работали они регулярно, поскольку количество воспитанников в детских домах и приютах постоянно менялось. Некоторые заведующие детских учреждений сами выдавали фашистам детей-евреев.

В годы оккупации детские учреждения на захваченной территории постоянно пополнялись. Дети приходили из разных городов и сёл, их подбирали работники местного аппарата управления, полицейские и сдавали в детские учреждения. Сыграло свою роль и массовое обещание населения, которое подбрасывало и своих детей в детские дома в надежде, что там им не дадут умереть с голоду. Много детей направлялось в детские дома управами, поскольку родители не могли их обеспечить. Пути, по которым попадали дети в детские учреждения, были разными. Поступали дети и из тюрем, куда их забирали вместе с родителями.

Состояние детских домов, садов, яслей не соответствовало санитарным нормам, не позволяло создать нормальные условия для развития и существования детей. Во время эвакуации многие детские учреждения были разграблены, а те помещения, что находились в неплохом состоянии, отдавались под размещение германским солдатам.

Оккупационные власти не ликвидировали советскую систему дошкольных и школьных учреждений. Однако условия оккупации накладывали отпечаток не только на их деятельность, но и содействовали видоизменению советской практики. Появлялись учреждения смешанного типа, детские ясли и сады приобретали статус детдомов.

Детские сады создавались непосредственно оккупационными властями для того, чтобы освободить родителей для работы на предприятиях. С течением времени сады могли превращаться в детдома. Так, в октябре 1941 г. немцы открыли на железнодорожном узле станции Псков детский сад, в который было помещено 22 ребёнка дошкольного возраста. Необходимо отметить, что, во-первых, родители не доверяли своих детей арийскому воспитанию, а во-вторых, они убедились в том, что «их дети в детском саду могут умереть голодной смертью» [19, л. 208 об].

Большое количество беспризорных детей, которых не успели вывезти в тыл и потерявших родителей, создавало определённые проблемы для новой власти. В начале войны многие неэвакуированные пионерские лагеря и санатории превращались в детские дома.

Реализация оккупантами карательных мероприятий, направленных на использование детей в качестве доноров и рабочей силы, регулирование проблемы беженцев и ряда других социальных проблем, привели к выделению в качестве отдельного вида детских учреждений детских домов – доноров крови и детдомов – лагерей для отправки детей на принудительный труд в Германию.

Территорию детских домов, созданных для забора детской крови для солдат вермахта, обносили оградой, в них создавался особый режим воспитания, жестокое обращение с детьми за непослушание: избивание палками, биевание по затылку, накручивание ушей, лишение пищи. Как правило, после очередного забора крови детей больше не видели. К этой категории относились и пересыльные (донорские) лагеря, из которых детей отправляли в Германию в качестве доноров. Таковым явился детский дом в Вырице Гатчинского района Ленинградской области.

Зимой 1942 г. начался вывоз детей и подростков на принудительные работы в Германию. Для этого создавались детдома-лагеря для отправки детей в Германию. В 1942–1943 г. под депортацию попадали дети в возрасте от 12 лет. Они проходили вербовочную комиссию и, когда признавались достойными, направлялись в рейх.

Таким образом, сохранение детских домов, которые не успели эвакуировать, и создание новых детских учреждений подобного типа обуславливалось рядом причин: необходимо было упорядочить проблему бродяжничества среди детей, воспитывать их в необходимом для оккупационных властей русле, использовать детей как рабочую силу, как доноров для немецких солдат, не допустить распространения инфекционных заболеваний в тылу собственной армии. Несмотря на различия в типах детских учреждений, жизнь детей в них на протяжении войны можно охарактеризовать как полуголодное балансирование на грани жизни и смерти.

Создание новых детских учреждений имело целью не только освободить необходимый трудовой ресурс и решить проблему бродяжничества, но и воспитывать детей в духе подчинения новой власти. Именно через эти учреждения, начиная с дошкольного возраста, проводилась политика германизации. В процессе воспитания детям должно было прививаться чувство уважения и любви к Германии, её руководителю, к немецкой армии – «освободителю от большевистско-еврейского засилья».

Образовательная политика нацизма была сопряжена с преступлениями против воспитанников детских учреждений. Так, в деревне Торковичи Оредежского района в феврале 1942 г. перед своим отступлением оккупанты подожгли помещение детского дома с находившимися в нём воспитанниками. Было сожжено 20 малолетних детей и 10 детей замерзло на улице [3, л. 2–8]. Дети-сироты, находившиеся в Лужском детском доме, избивались плетьюми, зимой заперлись в холодные помещения. Лебедева (*имя и отчество в документе отсутствуют*. – прим. Е. К.), работавшая воспитателем детского дома в Луге, свидетельствовала о том, что в декабре 1942 г. оккупанты угнали в Германию детей и подростков – воспитанников детского дома: «Дети были отправлены вшивые, грязные, полуголые, в летней одежде, всего 36 человек» [4, л. 4]. На это же указывал воспитатель детского дома С. В. Рысев: «В декабре 1942 г. ночью пришли полицейские, отобрали 149 девочек и 22 мальчика, отвели в тюрьму. Через 11 дней их отправили в Эстонию, в лагерь военнопленных. Гоняли на работу наравне со взрослыми, били палками и плетьюми» [20, л. 133]. В сельсоветах Новгородского района Ленинградской области оккупантами было сожжено 6 школ и 3 избы-читальни [19, л. 7].

Важнейшим звеном в системе образования и воспитания детей и подростков оставались школы. Во всех образовательных учреждениях запрещались советские книги и учебники. Разрешалось использовать только сказки дореволюционных изданий. За это отвечали директора учреждений, с них брали подписку за ведение преподавания предметов учителями согласно программам, которые предлагались германскими властями. Из школьной программы по идеологическим мотивам были изъяты история и конституция. На уроках пения запрещались советские песни. В школы вводилось преподавание Закона Божьего и немецкого языка. Дети были обязаны заучивать молитвы и посещать церковь.

Попытки организовать обучение детей в начальной школе с преподаванием Закона Божьего и немецкого языка на территории Ленинградской области успеха не имели из-за саботажа со стороны местного населения. Часть детей открыто отказывалась

от занятий, другая часть, не решаясь открыто заявить об отказе, называла себя староверами и на этом основании была освобождена от Закона Божьего [19, л. 231].

Посещаемость школ в условиях оккупации была крайне низкой. Учительница начальной школы деревни Четверть Порховского района Ленинградской области Васильева Евгения Васильевна свидетельствовала о том, что школу, в которой она работала, в период оккупации посещало 42 ученика, тогда как в довоенное время в школе обучалось около 100 детей. Причины плохой посещаемости состояли в неготовности помещения школы к занятиям, отсутствии ремонта и школьных принадлежностей: «Мелу нет, чернил нет, тетрадей и карандашей нет, не говоря уже о каких-либо наглядных учебных пособиях» [16, л. 77]. Кроме того, дети не посещали школы ввиду крайнего истощения и отсутствия одежды и обуви.

В Порховском районе Ленинградской области до оккупации работало около 100 школ. В начале 1941–1942 учебного года оккупанты открыли в районе 20 начальных и 1 среднюю школы [19, л. 90 об.]. В Сланцевском районе не работала ни одна школа. Школьные здания были превращены в складские помещения и казармы карательных отрядов [19, л. 174]. Во Пскове функционировали 3 начальные школы, в которых обучалось 200 детей [19, л. 208].

В Гдовском районе работала лишь одна начальная школа. Учителя в ней содержались в основном на средства родителей учеников, поскольку на получаемую ими зарплату, составлявшую в среднем 150–200 руб. в месяц, выжить было невозможно [19, л. 174]. В начальных школах Шимского и Солецкого районов обучение было платным и составляло 100 руб. в год [17, л. 213].

Несмотря на крайне тяжёлые условия, многие учителя продолжали образовательную и воспитательную работу среди детей и подростков. Так, Васильева Е. В. рассказывала: «Я всё же достала советские учебники, по которым и обучал детей» [16, л. 78].

Среди учителей оккупанты провели чистку, и многие из них, как не оправдавшие доверия германской армии, были изгнаны из школы, многие были повешены или расстреляны. Так, в деревне Кривино Тосненского района Ленинградской области оккупанты зверски убили учителя Воробьёва за то, что он «учил детей в коммунистическом духе» [19, л. 9]. За слушание советских радиопередач в Порховском районе был повешен учитель Сухоруков, который воспитывал детей «в советском духе» [19, л. 92 об.].

В школах были оставлены лишь учителя, работавшие до революции. Новые учителя принимались по поручению волостных старшин. Оккупантов не интересовал уровень подготовки преподавателей, главное, на что обращалось внимание, – это возможность использования их потенциала в интересах оккупационных властей [6, с. 619]. Так, Рождественский, учитель Логовенской сельской школы Порховского района, выдал оккупантам красноармейца и председателя Логовенского сельсовета Никитина. Красноармейцев он пригласил к себе, накормил, спрятал, а затем привёл немцев [19, л. 91 об.]. Олег Травинский, учитель Вольшевской средней школы Порховского района, добровольно пошёл на службу к оккупантам и выдал им комсомольцев района [19, л. 92]. Заработная плата постоянных учителей начальных школ и сельских дополнительных школ составляла 600 руб. из расчёта проведения педагогами не менее 30 уроков в неделю [6, с. 620].

В детских учреждениях значительное внимание уделялось трудовому воспитанию. Подросток должен был приобрести какую-либо профессию, чтобы с 14–16 лет его можно было задействовать на предприятии. Поэтому при детдомах и школах открывали мастерские, где дети учились обувному, пошивочному делу, плетению, получали навыки лесоруба, работали на приусадебных участках и т. д. Трудовые мастерские при детских учреждениях открывались с той же целью, что и специальные профессиональные школы, что гарантировало получение значительного резерва рабочей силы, которая могла бы заменить взрослых рабочих, вывезенных на работу в рейх.

В результате быстрого продвижения немецких войск по территории Советского Союза были нарушены хозяйственные связи, и руководство детских учреждений столкнулось с проблемой самостоятельного приобретения для детей продовольствия, одежды, предметов первой необходимости. Детские учреждения вынуждены были перейти на полное самообеспечение, так как новые власти не спешили принимать соответствующие меры.

Законных способов для самостоятельного приобретения продуктов питания у воспитанников не существовало, поэтому они воровали, попрошайничали, ходили по соседним деревням в поисках пищи для себя и малышей, которые не могли о себе позаботиться. Воспитанники проникали на крестьянские огороды, колхозные поля. Дети собирали всё, что можно было использовать в пищу. К тому же большинство детских учреждений пострадало от бомбардировок, имущество было разворовано. Попытки апеллировать к вышестоящим инстанциям, привлечь внимание общественности успеха не имели.

Как свидетельствуют документы, дети как иждивенцы получали лишь 150 г хлеба в день [18, л. 32 об.]. В. Д. Смирнов (Лейбович), воспитанник Лужского детского дома, свидетельствовал: «Кормили там очень плохо – хуже, чем в лагере. Давали по блюдецку варёной требухи. Было очень обидно, когда воспитательница Ирина брала из каждого блюдецка по ложке себе... Хлеб выдавался по маленькому кусочку утром. Одни ребята (и я в том числе) съедали его сразу, другие растягивали до вечера» [5, с. 152].

Недостаток продовольствия привёл к увеличению числа больных и слабых детей. Их питание по сравнению с их минимальными потребностями вызывало истощение организма, приводило к инфекционным заболеваниям. Неоднократно управления, инспекторы детских отделов ходатайствовали перед германскими властями о выделении для детей дополнительно молочных продуктов. Ситуация осложнялась и тем, что во многих детских учреждениях отмечались случаи хищения продуктов питания обслуживающим персоналом или умышленное приготовление пищи на большее количество человек. Некоторые из работников детских учреждений позволяли питаться вместе с воспитанниками и своим детям, родственникам.

Продовольственные проблемы детских учреждений осложнялись неудовлетворительным медицинским обслуживанием. Согласно штатному расписанию, каждое учреждение должно было иметь медицинского работника, однако в детских учреждениях он или отсутствовал, или не выполнял свои должностные обязанности. Кроме того, отсутствовали медицинские средства и лекарства для лечения детей. Если врач даже и делал медицинское освидетельствование ребёнку, то помочь ему был не в состоянии, поскольку по выписанным рецептам приобрести необходимые препараты в аптеке было невозможно.

Отмеченные выше причины приводили к возникновению и распространению инфекционных заболеваний. Среди детей чаще всего фиксировались чесотка, тиф, диспепсия и т. д. При отсутствии необходимых лекарств, медицинского обслуживания эти болезни приобретали размеры эпидемий в пределах одного детского учреждения и приводили к высокой смертности.

Масштабы заболеваний объективно зависели как от санитарного состояния детского учреждения, гигиены воспитанников, так и от качества питания. Такое положение вынуждало детей к самостоятельным поискам того, что можно было бы использовать как одежду: для этой цели подходили тёплые тряпки, хлопья одеял, которыми обертывали ноги, головы, всё тело, а порванные сапоги подвязывали проволокой или тряпками.

Постоянная нехватка одежды, обуви, личных вещей, отсутствие второго комплекта белья, невозможность помыться сводили эффективность санитарно-эпидемических мероприятий к нулю. Даже при угрозе эпидемии устроить детей в больницу, чтобы изолировать больных, не всегда удавалось из-за отсутствия свободных коек.

Выводы

В годы оккупации дети оказались в крайне тяжёлых условиях существования. Лишённые поддержки и опеки взрослых, дети и подростки были вынуждены работать ради собственного выживания и выживания своей семьи, заботиться о себе в ситуации, когда политика, которую проводили оккупанты по отношению к подрастающему поколению, носила очерченный характер геноцида, была направлена на его германизацию. Место ребёнка в условиях оккупации и возможности его выживания определялись не только его этнической принадлежностью, возрастом, но и наличием родителей, их пристрастием к новой власти, местом работы.

Подавляющее большинство детей рассматривалось как объект воздействия нацистской политики геноцида и германизации, как дешёвая рабочая сила, при необходимости – как доноры для немецких солдат, фактически не получало необходимого обеспечения, медицинской помощи, не имело условий для гармоничного развития. Детские учреждения, несмотря на различия в функциях, стали удобной для оккупантов организационной формой геноцида детей через создание невыносимых условий существования: голод, холод, отсутствие элементарных условий для личной гигиены, недостаток квалифицированной медицинской помощи.

Список литературы

1. Асташкин, Д. Ю. Ленинградские дети на оккупированной Новгородской земле: мемуары Капы Захаровой / Д. Ю. Асташкин // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2022. – № 4 (43). – С. 389–392. doi: 10.34680/2411-7951.2022.4(43).389-392.
2. Виноградов, С. В. Промышленность Астраханской области в годы Великой Отечественной войны / С. В. Виноградов, Ю. Г. Ещенко // Вопросы истории. – 2020. – № 10–4. – С. 76–84. doi: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi80.
3. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). – Ф. 147. – Оп. 3. – Д. 65.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-7021. – Оп. 30. – Д. 164.
5. Иванова, И. А. За блокадным кольцом. (Воспоминания) / И. А. Иванова. – Санкт-Петербург : Вести, 2010. – 640 с.
6. Ковалев, Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944 / Б. Н. Ковалев. – Москва : АСТ, 2004. – 483 с.
7. Колотушкин, В. Г. Проблемы организации партизанского края на Северо-Западе РСФСР в 1941–1942 гг. / Колотушкин В. Г. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 3 (60). – С. 26–32. doi: 10.21672/1818-510X-2019-60-3-026-032.
8. Красноженова, Е. Е. «Детства больше не было»: детская повседневность в период оккупации Северо-Запада России (1941–1944 гг.) / Е. Е. Красноженова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2021. – № 4 (69). – С. 51–57. doi: 10.21672/1818-510X-2021-69-4-051-057.
9. Красноженова, Е. Е. Организация государственного снабжения населения в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Нижнего Поволжья) / Е. Е. Красноженова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 1 (30). – С. 36–41.
10. Кринко, Е. Ф. Детство военных лет (1941–1945 гг.): проблемы и перспективы изучения / Е. Ф. Кринко // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2006. – № 4. – С. 25–31.
11. Кулик, С. В. Экономическая политика гитлеровцев и советское сопротивление на оккупированной территории России 1941–1944 гг. / С. В. Кулик // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2007. – № 1. – С. 141–147.
12. Кулик, С. В. Партизанское правосудие на оккупированной территории Северо-Запада России (1941–1944 гг.) / С. В. Кулик, А. И. Корсак // Вопросы истории. – 2021. – № 1. – С. 182–189. doi: 10.31166/VoprosyIstorii202101Statyi09.
13. Пережогин, В. А. Вопросы коллаборационизма / В. А. Пережогин // Война и общество. 1941–1945. – Москва : Наука, 2004. – Кн. 2. – 410 с.
14. Семиряга, М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны / М. И. Семиряга. – Москва : РОССПЭН, 2000. – 863 с.
15. Хазов, В. К. Дети и оккупация: потенциал личного дневника как исторического источника (на примере дневника Люси Хордикайнен) / В. К. Хазов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2022. – № 3 (72). – С. 48–53. doi: 10.54398/1818510X_2022_3_48.
16. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). – Ф. Р-116 Л. – Оп. 2. – Д. 106.
17. ЦГАИПД СПб. – Ф. Р-116 Л. – Оп. 2. – Д. 34.
18. ЦГАИПД СПб. – Ф. Р-116 Л. – Оп. 2. – Д. 35.
19. ЦГАИПД СПб. – Ф. Р-116 Л. – Оп. 8. – Д. 36.
20. Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). – Ф. 9421. – Оп. 1. – Д. 131.

References

1. Astashkin, D. Yu. Leningradskie deti na okkupirovannoy Novgorodskoy zemle: memuary Kapu Zaharovoy [Leningrad children in the occupied Novgorod region: memoirs of Kapa Zakharova]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Memoirs of NovSU]. 2022, no. 4 (43), pp. 389–392. doi: 10.34680/2411-7951.2022.4(43).389-392.
2. Vinogradov, S. V., Eshchenko, Y. G. Promyshlennost Astrahanskoyoblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Industry of the Astrakhan region during the Great Patriotic War]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. 2020, no.10–4, pp. 76–84. doi: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi80.
3. *State Archive of the Modern History of the Novgorod Region (GANINO)*. Found 147, inventory 3, case 65.
4. *The State Archive of the Russian Federation (GARF)*. Found P-7021, inventory 30, case 164.
5. Ivanova, I. A. *Za blokadnym koltsom (vospominaniya)* [Behind the Blockade Ring (memories)]. Saint Petersburg: Vesti; 2010, 640 p.
6. Kovalev, B. N. *Natsistskaya okkupatsiya i kollaboratsionizm v Rossii, 1941–1944* [The Nazi Occupation and Collaboration in Russia, 1941–1944]. Moscow: AST; 2004, 483 p.
7. Kolotushkin, V. G. Problemy organizatsii partizanskogo kraja na Severo-Zapade RSFSR v 1941–1942 gg. [Problems of the organization of the Partisan Province in the North-West of the RSFSR in 1941–1942]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2019, no. 3 (60), pp. 26–32. doi: 10.21672/1818-510X-2019-60-3-026-032.
8. Krasnozhenova, E. E. "Detstva bolshe ne bylo": detskaya povsednevnost v period okkupatsii Severo-Zapada Rossii (1941–1944 gg.) "Gone childhood": children's everyday life during the occupation of North-West Russia (1941–1944)]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2021, no. 4 (69), pp. 51–57. doi: 10.21672/1818-510X-2021-69-4-051-057.
9. Krasnozhenova, E. E. Organizatsiya gosudarstvennogo snabzheniya naseleniya v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. (na materialah Nizhnego Povolzh'ya) [Organization of state supply of the population during the Great Patriotic War of 1941–1945 (based on the materials of the Lower Volga region)]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2012, no. 1 (30), pp. 36–41.
10. Krinko, E.F. Detstvo voennykh let (1941–1945 gg.): problemy i perspektivy izucheniya [Childhood of the war years (1941–1945): problems and prospects of study]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Adygea State University]. 2006, no. 4, pp. 25–31.
11. Kulik, S. V. Ekonomicheskaya politika gitterovtsev i sovetskoe soprotivlenie na okkupirovannoy territorii Rossii 1941–1944 gg. [The economic policy of Hitlerites and Soviet resistance in the occupied territory of Russia, 1941–1944]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Saint Petersburg university. History]. 2007, no. 1, pp. 141–147.
12. Kulik, S. V., Korsak, A. I. Partizanskoe pravosudie na okkupirovannoy territorii Severo-Zapada Rossii (1941–1944 gg.) [Partisan justice in the occupied territory of North-West Russia (1941–1944)]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. 2021, no. 1, pp. 182–189. doi: 10.31166/VoprosyIstorii202101Statyi09.
13. Perezhogin, V. A. Voprosy kollaboratsionizma [Collaboration issues]. *Voyna i obshchestvo. 1941–1945* [War and society. 1941–1945]. Moscow: Nauka publ.; 2004, book 2, pp. 293–305.
14. Semiryaga, M. I. *Kollaboratsionizm. Priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroy mirovoy voyny* [Collaboration. Nature, typology and manifestations during the Second World War]. Moscow: ROSSPEN; 2000, 863 p.
15. Khazov, V. K. Deti i okkupatsiya: potentsial lichnogo dnevnika kak istoricheskogo istochnika (na primere dnevnika Lyusi Hordikajnen) [Children and occupation: the potential of a personal diary as a historical source (using the example of Lucy Hordikainen's diary)]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2022, no. 3 (72), pp. 48–53. doi: 10.54398/1818510X_2022_3_48.
16. *Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint Petersburg (CGA IPD SPb)*. Found P-116 L, inventory 2, case 106.

17. CGA IPD SPb. Found P-116 L, inventory 2, case 34.
18. CGA IPD SPb. Found P-116 L, inventory 2, case 35.
19. CGA IPD SPb. Found P-116 L, inventory 8, case 36.
20. Central State Archive of Saint Petersburg (CGA SPb). Found 9421, inventory 1, case 131.

Информация об авторе

Красноженова Е. Е. – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author

Krasnozhenova E. E. – Doctor of Historical Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 20.01.2023; принята к публикации 30.01.2023.

The article was submitted 09.01.2023; approved after reviewing 20.01.2023; accepted for publication 30.01.2023.